

ЗИМНЯЯ НАРОДНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ВЪ Г. ВАСИЛѢ *)

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ)

Зимняя удовольствія у мѣщанъ и крестьянъ г. Василѣ открываются съ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ. Молодой народъ весь постъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ наступленія праздника, которымъ начинается для него рядъ святочныхъ удовольствій. Предъ наступленіемъ этого праздника въ домахъ, выбранныхъ для посидѣлокъ (**), начинается горячая работа приготовленій; для этого всѣ дѣвицы, допускаемыя къ участию на вечеринкахъ, собираются въ назначенный для того домъ; вѣ тамъ тотчасъ-же начинается мытье и скобленіе половъ, лавокъ и стѣнъ. Въ томъ домѣ, въ которомъ устраиваются вечеринки, непременно есть дѣвушка, ради которой родители и дозволяютъ собираться другимъ дѣвушкамъ, для того, чтобы дочь не ходила «по чужимъ дворамъ». У такой дѣвушки всегда есть свой кругъ знакомыхъ подружекъ, съ которыми она и дѣлитъ время своей дѣвической жизни. Выборъ подружекъ дѣлается самими матерями;

*) Настоящая статья, по нашему мнѣнію, интересна въ особенности тѣмъ, что списана прямо съ дѣйствительности, т. е. въ ней приводятся пѣсни новѣйшаго происхожденія, которыя уступаютъ конечно, въ силѣ и образности, древнимъ пѣснямъ, за то рисуютъ современный характеръ удовольствій нашего народа. — *Ред.*

**) Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ извѣстно, буква ж переходитъ въ букву к, т. е. говорятъ *посидѣлки*, а не *посидѣлки*, а также *тосидки*, (въ новгородской губерніи *посидки*), но мы оставляемъ здѣсь правописаніе автора, какъ характеризующее мѣстное названіе понятія. — *Ред.*

предусмотрительная мать старается для своей дочери найти таких подружек, которыя или хороши лицомъ, или богаты, или-же, наконецъ, имѣють хорошее родство. Собственно-же цѣль устраиваемыхъ вечеринокъ — показать своихъ дочерей молодцамъ-святочникамъ и ознакомить сколько-нибудь самихъ дочерей съ будущими женихами. Вечернія увеселенія начинаются со второго дня праздника и продолжаются, безпрерывно, до самаго кануна крещенскаго сочельника.

Въ назначенный день, т. е. на второй день рождества (въ первый игрищъ не бываетъ, такъ какъ отцы дѣтей считаютъ весьма грѣшнымъ дѣломъ оскорблять святость перваго дня праздника какими-бы то ни было удовольствіями), часовъ въ шесть, дѣвицы собираются въ назначенный домъ и приносятъ съ собой узлы съ платьемъ. Начинается переодѣванье въ лучшее платье и потомъ чинное сидѣнье на лавкахъ, въ ожиданіи святочныхъ гостей. Зажигаются свѣчи, купленные дѣвицамъ въ счетъ тѣхъ денегъ, которыя онѣ имѣють выручить *отъ величья* *). Всякія работы въ это время вовсе устраниаются: молодежь всѣ эти девять дней предается одному веселью и разгулу. Дѣвицы сидятъ на правой сторонѣ въ такомъ порядкѣ, что одѣтыя лучше сидятъ ближе къ столу; лѣвая лавка остается не занятой; на нее садятся ряженые гости. Въ другой комнаткѣ, за перегородкой, дремлютъ старики — хозяева дома, любуясь, по временамъ, на розовую и краснѣющую отъ удовольствія молодость, и вспоминая былые дни. Нарядъ дѣвиць состоитъ изъ платьевъ шерстяныхъ, кисейныхъ и ситцевыхъ, которыя, по возможности, мѣняются на новыя, каждый день; въ домахъ по-бѣднѣ дѣвицы бывають одѣты и въ сафраны, съ лентой въ волосахъ; на всѣхъ дѣвицахъ, въ первые дни, бывають надѣты платки или шали, на головахъ. Въ послѣдніе дни святокъ онѣ сидятъ съ непокрытыми головами, и при этомъ, разумѣется, даютъ молодцамъ высмотрѣть себя

*) Обычай парней покупать свѣчи существуетъ и въ другихъ мѣстностяхъ; объ немъ говорить и извѣстный знатокъ нашего народнаго быта П. И. Якушинъ, по отношенію къ новгородской губерніи, въ своихъ «Путевыхъ писмахъ изъ новгородской и московской губерній». Изд. 1860 г. Стр. 27. — Ред.

получше. Оттого-то число наряженныхъ въ послѣдніе дни святокъ бываетъ больше; всякій молодой парень считаетъ обязанностью нарядиться какъ-нибудь по-искусстиѣ, чтобы его не узнали, что даетъ случай застѣнчивымъ изъ нихъ выглядѣть получше сидящихъ красавицъ. Въ отношеніи наряда, святочники представляютъ самое пестрое разнообразіе; всѣ они ходятъ группами. Одна группа, напр. состоитъ изъ цыганки, турчанки и старика съ непремѣннымъ горбомъ; другая состоитъ изъ бурлака, черемисина въ бѣлой рубахѣ, съ обшивнымъ воротомъ, женщины, въ барскомъ платьѣ и кормилицы, съ ребенкомъ; третья группа водитъ медвѣдя на цѣпи и всѣ бывають одѣты, сообразно этому представленію: одинъ изображаетъ мишку, другой козу, третій скрипача или барабанщика. Эта группа особенно доставляетъ удовольствіе дѣвцамъ. Но самую соль удовольствія играющимъ доставляетъ представленіе чорта: изображающій его, съ красными глазами и губами, съ длинными когтями, хвостомъ и рогами, весь обтянутый кожей, вбѣгаетъ быстро въ комнату, къ страху глазѣющихъ старухъ. Въ скоромъ времени приходитъ одѣтый въ рокожу и представляетъ собой попа; съ словами: «міръ съѣмъ» и «духъ вонъ» онъ кропитъ вѣнникомъ и кадитъ лаптемъ; послѣ чего чортъ, какъ не терпящій каденья и кропленья, съ громкимъ крикомъ убѣгаетъ, къ немалому удовольствію присутствующихъ. Самый-же обыкновенный и любимый нарядъ святочниковъ составляетъ красная рубаха, обшитая галуномъ и при этомъ шляпа, обвязанная лентами, всевозможныхъ цвѣтовъ.

Въ отношеніи святочныхъ гостей дѣвицы сидятъ чинно, безмолвно, изрѣдка перешептываясь о новыхъ нарядахъ своихъ, при чемъ каждая за долъ считаетъ узнать, когда, гдѣ, у кого и по какой цѣнѣ куплена матерія. Святочники впрочемъ не долго заставляютъ себя ждать. На большой огонь они тотчасъ входятъ въ ворота. Едва только калитка стукнетъ, какъ дѣвицы начинаютъ пѣсни, подъ звукъ которыхъ ряженые и расхаживають по комнатѣ. Большею частію ряженныхъ встрѣчаютъ слѣдующею пѣснью:

Не ходи-ка, бѣль-кудрявый,

Мимо моего сада,

Не топчи-ка, бѣль-кудрявый.

Душисту мату:

Я не для тебя садила.

Не для поливала;

Для того сады садила

Кого я любила.

Для того и поливала

Кого цѣловала.

Въ продолженіе этой пѣсни двѣ дѣвушки встаютъ и ходить по комнатѣ, а по окончаніи пѣсни цѣлуются. Святочники выступаютъ на средину, съ своей гармоникой. Начинается русская пляска. Нечего и говорить, что послѣ долгихъ трудовъ мѣщане и крестьяне, на первыхъ дняхъ игрищъ, испытываютъ большое удовольствіе. Пляска—лучшее доказательство того, что русскій народъ не привыкъ смѣшивать удовольствіе съ натягустію, вносить въ свой разгулъ чуждые удовольствію элементы. Въ пѣсняхъ и пляскѣ крестьянина привыкъ забывать свои горестные дни. Этимъ и объясняется характеръ нашихъ веселыхъ старинныхъ пѣсенъ, которыхъ-бы вовсе нельзя было ожидать отъ народа, при прежней его обстановкѣ, при прежнихъ историческихъ обстоятельствахъ. Послѣ пляски, въ которой ряженые особенно желаютъ показать свое искусство, начинается пѣсня «Во саду-ли, въ огородѣ», во время которой дѣвица выбираетъ кого-либо изъ узанныхъ святочниковъ и, по окончаніи пѣсни, цѣлуется съ нимъ. Выбранный мужчина, въ свою очередь, выбираетъ себѣ одну изъ дѣвушекъ и игры такимъ образомъ начинаются. Пѣсни постоянно чередуются. Между многими мы приведемъ болѣе замѣчательныя.

Не свѣтель-ли мѣсяцъ свѣтить,

Не жемчужное кольцо,

У дѣвицы чернобровой

Разгорается лицо;

На ея лицо прелестно

Смотрить мальчикъ молодой:

Посмотрите: онъ подходитъ,

Ее за руку беретъ;

Рѣчь красавица заводитъ,
Пѣсню весело постъ.
Младый юношъ со дѣвицей—
Точно вихорь ихъ несетъ;
Они вьются, обернутся
И опять рука съ рукой
Алой лентой перевьются,
То любятся собой.
Посмотрите: чѣмъ не нара—
Хоть сейчасъ такъ подъ вѣнецъ,
Поцѣлуетъ молодець.

Пройди, милый, чернобровый,

По улицѣ новой (bis),

Взгляни, милый, чернобровый,

На мое окошко (bis),

На окошко-веселенько,

На меня-миленько,

У мого милова

Три сада зеленыхъ:

Въ первомъ садѣ, въ огородѣ;

Растетъ трава ничка;

За то меня милый любить,

Что я не величка;

Въ другомъ садѣ, въ огородѣ,

Растетъ трава мята;

За то меня милый любить,

Что я таровата.

Въ третьемъ садѣ, въ огородѣ;

Растетъ древо верба;

За то меня милый любить,

Что я ему вѣрна.

Эта послѣдняя пѣсня указываетъ на свое недавнее происхожденіе, тѣмъ наборомъ рифмъ, которыя въ ней встрѣчаются. Первая пѣсня рисуетъ картину счастья, при свиданіи двухъ молодыхъ влюбленныхъ сердець, и та легкость и грація, на которую указываетъ содержаніе пѣсни, обнаруживаетъ въ народѣ жажду къ свободнымъ легкимъ движеніямъ. Слѣдующая пѣсня доказываетъ, какъ много время измѣнило уже мужчинъ,

въ ихъ отношеніяхъ къ женщинѣ. Въ этой пѣснѣ слышатся мотивы ласки и почти рыцарскаго обожанія къ женщинѣ.

Полюби, полюби,
Красна дѣвица, меня;
Если ты меня полюбишь —
Будешь счастливая
И талантливая.
Ты не будешь, моя радость,
И не шить, не вышивать;
Только будешь, моя радость,
По гостинному гулять —
Все обновы закупать.
Для красавицы такой
Есть особенный спокон;
Зеркалами и цвѣтами
Вашу спальню уберу;
Ала дерева кровать
На коврахъ будетъ стоять;
Ваша мягкая постель
На бархатѣ лежать;
Какъ на мягкой на перинѣ
Будетъ Мама почивать.
Я приду — прилечу,
Пощѣлю — улечу.

Жаль только, что надо подозрѣвать, что эта новая, судя по стилю, пѣсня вышла изъ устъ не мужчины, а женщины, любящей пѣгу и закупку обновъ. Но какъ-бы то ни было, пѣсня получила популярность въ Василѣ, и иному парню можетъ дать совѣтъ обходиться съ женщинами по деликатнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть приятно для мужчины видѣть, когда его жена, ничего не дѣлая, покоится въ постели, какъ кошечка, которая катается по подушкамъ, мило выгибая свою спину *).

*) Такое воззрѣніе на женщину особенно сильно высказалъ, какъ извѣстно, Мишле, почти одновременно съ совершенно противоположнымъ взглядомъ, на вопросъ, Прудона; но оставляемъ слова автора настоящей статьи безъ измѣненія, не смотря на то, что вовсе не согласны съ ними, полагая, что ихъ слѣдуетъ отнести къ чисто-личнымъ его воззрѣніямъ. — Ред.

щины, пусть наша крестьянка наслаждается этимъ удовольствіемъ, хотя въ пѣснѣ. Но вотъ слѣдующія пѣсни ближе къ дѣйствительности, потому что въ нихъ замѣчается практической характеръ, который приняли новыя пѣсни, утративъ тѣ блестящія поэзіи, которые видны въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ.

Я на камешкѣ стою,
Слезы катятся.
Люди дѣвушкамъ берутъ—
Намъ желается.
Создай, Боже, помолитесь
О своихъ ясныхъ очахъ,
Чтобъ въ трактиры не ходить,
Чтобы бѣлаго не пить,
Папиросы не курить,
Въ билліарды не играть.
Билліарды дороги
Много денегъ извели.

Бхалъ мальчикъ изъ Казань:

Городецки новы сани,
Семисотенный конь,
Съ позолоченной дугой;
Вы не думайте, дѣвицы,
Нынче за-мужъ выходить,
Вы не вѣрьте молодцамъ,
Что они божатся вамъ;
Они божатся-влянутся,
Отойдутъ отъ васъ, смѣются.

Есть пѣсни, изъ числа тѣхъ, которыя поются на игрищахъ въ Василѣ, и съ сатирическимъ характеромъ, такова: «Не родись малешенежъ, не женись глупешенежъ». Сатира въ этой пѣснѣ обращена на тѣхъ, которые выбираютъ себѣ партію не изъ того сословія, къ которому принадлежатъ. Но есть также одна пѣсня, которая доказываетъ, что дѣвушки могутъ полюбить молодца безъ всякаго расчета. Пѣсня эта слѣдующаго содержанія:

Распрекрасная дѣвочка,
На бѣлой груди цѣпочка,

Въ ухахъ серьги золоты,
 Русы кудри завиты;
 Полюбила я такова,
 Нѣтъ картуза никакого;
 Продамъ шубку и бурнусъ,
 Куплю милому картузъ
 Я не очень щегольской—
 Черный драповый такой.

Во время этихъ пѣсень, молодцы ходятъ, цѣлуются и уходятъ; одна группа сваточниковъ смѣняетъ другую. Узнанныхъ, изъ среды сваточниковъ, величаютъ, за что каждый, которому пропѣли пѣсню, обязанъ благодарить дѣвушекъ деньгами. Часамъ къ двѣнадцати толпа ряженныхъ уменьшается; остаются одни знакомые. Пѣсни смѣняются играми. Играютъ «въ со-сѣди», «въ веревочку» и «въ круги». Игра «въ круги» разнообразна: дѣвушки вмѣстѣ съ парнями ходятъ хороводомъ и поютъ всѣмъ извѣстную: «Селезень ловиль» и «По морю си-нему», дѣйствіе и представленіе по которой всѣмъ извѣстно. Собственно-же игровыхъ пѣсень здѣсь мало въ ходу. Изъ числа плясовыхъ поются слѣдующія двѣ пѣсни: «Что на тоненькій ледокъ выпадаль бѣлый снѣжокъ» и «Чижичекъ-воробушекъ». Во время этихъ пѣсень двѣ пары становятся на средину и каждый изъ пары отдѣльно становится противъ другого, образуя четвероугольникъ; подъ напѣвъ пѣсни они исполняютъ что-то въ родѣ первой и шестой фигуры французской кадрили. Есть однако нѣкоторое основаніе полагать, что этотъ танецъ выработался не по примѣру французской кадрили, а самостоятельно въ средѣ народа, любящаго пляску. Изъ пѣсень извѣстныхъ поэтовъ поются нѣкоторыя, принадлежащія Пушкину, и одна—Кольцову—«По надъ Дономъ садъ стоитъ». Здѣсь она поется въ трехъ куплетахъ и много искажена. Вообще васильчане мало любятъ книжныя пѣсни. Если, по выбору пѣсень, судить о характерѣ самихъ жителей-дѣвцовъ, то можно предпола-гать, что въ нихъ довольно развиты лучшія чувства человѣка и особенно эстетическое, которому, говоря предположительно, весьма можно было развиваться подъ тѣми условіями красиваго мѣстоположенія г. Василя, которымъ онъ пользуется на са-момъ дѣлѣ.

Но наскучиваетъ святочникамъ играть и ходить безпре-
станно по комнѣтѣ; вотъ тогда они поютъ тѣ поэтическія
пѣсни, которыя прямо вѣютъ стариной, когда у народа спо-
собность творчества была въ полной силѣ. Такова, напр., слѣ-
дующая пѣсня:

Какъ во городъ, да во Кіевъ

У одной-то вдовы

Было девять сыновей (bis),

Какъ десятая

Дочь несчастная (bis);

Возлелѣвали сестру, —

На разбой братья пошли;

Они матери своей

Все наказывали:

Не отдай-ка безъ насъ

Ты сестру замужъ;

Привеземъ мы сестрѣ

Все приданое.

Все богатое.

Не послушала мать,

Дочку выдала,

Что за барина она.

Да за богатаго.

Они годъ-то живутъ,

И другой они живутъ,

Какъ на третьемъ году

Дитю прижили;

Приживши дитю,

Стосковался;

Они въ Кіевъ побывать

Собиралися.

Они день-то ѣдутъ

И другой они ѣдутъ.

Какъ на третій день

Становилися,

Что коней они кормить,

Дитѣ кашу варить.

Находила-же на нихъ

Туча грозная,

Налетали же на нихъ

Черны вороны —

Все разбойники;

Они барина —

Да заръзали,

Они барченка

Въ воду бросили,

Они барыню

Въ полонъ взяли.

Какъ одинъ-то изъ нихъ

Сталъ выпрашивать ее:

«Ты чьево роду,

Чьево городу?»

Ужъ я городу —

Я изъ Кіева;

Я одной-то вдовы

Дочь несчастная,

У моей матери

Было девять сыновьевъ,

Какъ десятая —

Дочь несчастная.

Возлеглили сестру,

На разбой братья пошли;

Они матери своей

Все наказывали,

Не отдай-ка безъ насъ

Ты сестру за-мужъ;

Привеземъ мы сестрѣ

Все приданого.

Не послушала мать —

Дочку выдала.

«Ужъ вы, братцы-мой,

Вы товарищи,

Не чужую-то кровь

Кровь мы пролили,

Зятя роднаго

Мы заръзали,

Мы племянника

Въ воду бросили,

Мы родную-то сестру

Во полонъ взяли.

Ужъ вы, братцы моя,
 Мы воротимся назадъ,
 Зятя роднаго
 Мы зароемте,
 Мы племянника
 Поймамъ на водѣ,
 Мы родную-то сестру
 Отвеземъ ее домой,
 Въ Кіевъ, къ матушкѣ родной.

Не правда-ли, какая въ изображенной здѣсь трагической картинѣ безыскусственность и чисто гомеровская простота рѣчи? Передается въ этой пѣснѣ рассказъ о страшномъ преступленіи, о разбойникахъ—этой дикой и ничѣмъ не стѣсненной, въ своихъ дѣйствіяхъ, вольницы—и между тѣмъ, читая, не чувствуешь уже ничего страшнаго, грознаго, поражающаго: разбойники, своимъ послѣднимъ поведеніемъ, окончательно уже заглаживаютъ свое, совершенное только-что, злодѣйство. Поэтъ замѣтно отнесся къ нимъ даже симпатично, назвавъ ихъ *разбойничками*; мягко стѣстиха, грустный напѣвъ, спокойствіе заключеннаго здѣсь чувства дѣлаютъ то, что невольно извиняешь, *любишь* разбойниковъ, которыхъ создалъ духъ тогдашняго времени, и которые были какъ-бы живымъ протестомъ противъ существовавшаго прежде порядка управленія и власти. Вотъ въ этомъ-то, т. е. въ любви и ласкѣ поэта, въ отсутствіи всякой изысканности, и заключаются, по нашему мнѣнію, неопѣвенныя достоинства этой народной пѣсни, или скорѣе, цѣлой поэмы.

Мотивъ пѣсни печальнаго характера. По стилю ея надо полагать, что она принадлежитъ южно-русскому эпосу. Таковую же древнюю пѣсню, съ тѣмъ-же печальнымъ характеромъ и мотивомъ, мнѣ удалось услышать въ вятской губерніи. Судя по содержанію, она имѣетъ родиной приволжскій край; но въ Василѣ ея не поютъ и не знаютъ вовсе. Привожу ея начало:

Какъ подь лѣсомъ, лѣсомъ,
 Подь зеленымъ садомъ,
 Два братца родимы

Съно косили,
Родима сестричка,
Бѣтво приносила и проч.

Особенный переливъ голоса слышится, когда испугавшаяся бояръ или дворянъ дѣвочка начинаетъ раздумывать, что ей дѣлать съ собой:

Отвущу я коня
Во чистое поле,
Узду кину-брошу
Подъ ракитовъ кустикъ,
Сама кинусь-брошусь
Въ матушку Волгу и проч.

Въ числѣ неигровыхъ пѣсень поется и та историческая пѣсня, которая составлена въ позднѣйшее время, пѣсня, имѣющая сатирическій характеръ, на нашествіе Наполеона. Эпоха такая, какъ двѣнадцатый годъ, не могла, разумѣется, пройти въ народѣ, не утратившемъ еще творческой способности, безъ слѣда. Тѣмъ любопытнѣе эта пѣсня, что сказываетъ, какими глазами простой народъ смотрѣлъ и смотритъ на виновника нашествія неприятелей, въ 1812 году, въ русскую землю. По прежнему, въ твореніи этомъ есть много простоты и наивности, но нѣтъ уже тѣхъ повтореній и сравненій, которыми прежде, въ формѣ отрицательной, народъ любилъ украшать эти пѣсни; въ пѣснѣ появляется достаточное число иностранныхъ словъ. Вотъ она:

Шуть на островѣ родился,
Во французяхъ появился
Нашъ Напаліень,
Воръ, мясницкій,
Сынъ, обманщикъ,
Самому жиду прикащикъ,
Вѣтряный французъ.
Онъ ходилъ въ Москву съ обманомъ,
Все съ музыкой, барабаномъ—
Со весельемъ такимъ.

Французъ крови многа пролилъ,
Самъ себя онъ удостоилъ:
Назвался хорошъ,
Обрывалъ въ церквахъ иконы,
Наполнял свои обозы,
Разжитъся хотѣлъ,
Разжитъся — не разжился,
Только пуще обложился,
Самъ сталъ ни при чемъ.
Онъ не долго погулялъ,
Всю силушку растерялъ,
Самъ, шельма, бѣжалъ,
Онъ безъ чулъ, безъ сапогъ,
Съ полуногъ-то, какъ собака,
Безъ черной своей шляпы —
Радъ-бы кто пригрѣлъ,
Сталъ силушку собирать,
Полковниковъ наряжать,
Нут-ка самъ бѣжать.
Всѣ казаки съ тесаками
И башкиры со стрѣлами,
Ну-ка за нимъ гнать.
Казакъ Платовъ, енаралъ,
До Парижа провожалъ.
Во Парижъ — народъ русскій,
Всѣ начальники французски,
У нихъ нѣтъ царя, —
Они рады насъ дождаться
Всѣ на островъ собраться.
Россійскій народъ —
Пили, ѣли, веселились,
Съ ними вмѣстѣ согласились,
Нарекли царя.

Эту пѣсню, съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями, я слышалъ уже въ трехъ губерніяхъ, — стало быть, народу русскому она пришлась по вкусу, согласуется съ его взглядами и понятіями. Голосъ этой пѣсни — новѣйшая манера мотивовъ народныхъ пѣсень. И если эту пѣсню принять за представительницу новѣйшей устной поэзіи, то какая рѣзкая разница!

съ прежними фантазіями народа! Въ старинныхъ твореніяхъ народа высказывается теплота чувствъ и мягкость души, равно и гармонія стиха; въ этомъ послѣднемъ произведеніи недостатковъ чувства замѣненъ грубыми сатирическими выходками; хотя въ плавности стиха и нельзя отказать, за то надо отказать въ недостаткѣ пониманія и прочувствованія самого событія, вслѣдствіе чего и является обрубленность мысли и невѣрность передаваемыхъ фактовъ.

Неигровыя-же пѣсни не составляютъ еще необходимаго условія при игрищахъ; ихъ поютъ, быть можетъ, по недостатку матеріи для разговоровъ, или-же по любви къ искусству. На свадьбахъ эти пѣсни необходимѣе. При этомъ надо сказать, что неигровыя пѣсни поются вовсе не съ той гармоніей и тихимъ голосомъ, чего слѣдовало-бы ожидать. Напротивъ, каждая изъ играющихъ дѣвушекъ старается, подчасъ, показывать свой голосокъ, отъ чего вся плѣняющая содержаніемъ гармонія пѣсни исчезаетъ. Игровыя-же пѣсни поются лучше; ходящія по комнатѣ дѣвушки стѣсняются пѣть громко; молодые парни изрѣдка присоединяютъ свой голосъ и подпѣваютъ дѣвушкамъ. Между послѣдними есть одна—запѣвало, которая иногда владѣетъ чистымъ и музыкальнымъ голосомъ, которымъ она смягчаетъ визгливую дивцію иногда вовсе неумѣющихъ пѣть остальныхъ дѣвушекъ.

Игры продолжаются далеко за полночь. Дѣвушки рады играть и пѣть цѣлую ночь, хотя, къ концу вечера, у всѣхъ порядочно охрипнетъ голосъ и привлекутся губы. Во время вечера святочки приходятъ изъ слободы Хмѣлевки, находящейся въ трехъ верстахъ отъ города. Они особенно любятъ показать свое искусство въ пляскѣ. Хмѣлевскій парень ни за что не пройдетъ по комнатѣ такъ, чтобы не отмочить колѣнца. Впрочемъ, они не остаются долго на игрищахъ: какъ быстро приходятъ, также быстро и исчезаютъ.

Игры, въ Василѣ, вообще отличаются скромностью; дѣвушки безъ пѣсни никакъ не позволяютъ молодцу, на игрищахъ, поцѣловать себя или пошептать на ухо. Рязеный, желающій

шепнуть что-нибудь дѣвушкамъ, тотчасъ осаживается строго произнесеннымъ вопросомъ: «Что вамъ угодно? Говорите вслухъ». И святочникъ или скажетъ вслухъ, или долженъ замолчать. Но не во всѣхъ домахъ игрищъ соблюдается такая строгость; въ нѣкоторыхъ домахъ парни, во время пѣсни: «Пойду-ль я, выйду-ль я», садятся на колѣни къ дѣвушкамъ, но ни объ одномъ игрищѣ нельзя сказать, чтобъ оно носило салтный и грязный характеръ, при всемъ томъ, что на игрища можетъ приходиться всякій, кому только вздумается.

По окончаніи посидѣлокъ, часу въ четвертомъ, дѣвушки, живущія вблизи, уходятъ домой, а живущія далеко остаются почевать, и въ это время, лежа на постели, дѣлятся между собой впечатлѣніями прошедшаго вечера. Примутся иногда, если не хотятъ еще спать, гадать, ворожить, ходить полоть свѣгъ, спрашивать имена и т. п. Все это сопровождается шумомъ и веселымъ непринужденнымъ смѣхомъ, пока хозяева строгими напоминаніями, чтоде пора спать, не уложатъ веселую молодежь въ постель. Дѣвушкамъ, въ это время, послѣ шума и усталости, спится хорошо, и воображеніе послѣ видѣннаго и слышаннаго не остается въ покоѣ. Почти каждая изъ нихъ на другой день непременно рассказываетъ какой-нибудь сонъ, который подруги всегда стараются объяснять. Легковѣріе, суетвѣріе и несомнѣнное вѣрованіе въ судьбу, въ этомъ случаѣ, составляютъ отличительныя качества, если не жителей, то жительницъ г. Василія.

Предъ кануномъ сочельника игрища, на цѣлый годъ, прекращаются. Въ сочельникъ дѣвицы приходятъ въ домъ посидѣлокъ, но только уже для того, чтобы вымыть и выскоблить полы хозяевъ, въ благодарность за то, что они позволили имъ играть въ своемъ домѣ. Въ этотъ же день производится дѣлежъ выпѣтыхъ дѣвушками денегъ. При раздѣлѣ дѣлаются вычеты тѣмъ дѣвушкамъ, которыя почему-либо пропустили посидѣлки, или-же пѣли мало и *не слышно*. Разумѣется, дѣлежка не обходится безъ нѣкоторой перестрѣлки словами, хотя выпѣтая всѣми сумма шахишш доходитъ до трехъ рублей. Для дѣвицъ наступаютъ будничные дни до самой Пасхи. Впрочемъ

онѣ расстаются со сватками, безъ всякой грусти: для многихъ изъ нихъ настаетъ пора осуществленія ихъ завѣтныхъ надеждъ.

Святочныя вечеринки остаются не безъ вліянія на молодежь мужескаго пола. Для многихъ молодыхъ парней святки служатъ смотринами и ознакомленіемъ съ будущей невѣстой. Поэтому, спустя недѣлки двѣ-три, сваха появляется въ домѣ которой-нибудь дѣвушки, садится подъ матицу и пресловутымъ предисловіемъ начинаетъ вести сватовство. Время отъ святокъ до масляницы считается лучшимъ для заключенія браковъ. Это единственная въ году пора, въ которую въ Василѣ всего болѣе совершается свадебъ. Вышедши за-мужъ, дѣвушка должна проститься съ дѣвическими увеселеніями, такъ какъ замужняя женщина не участвуетъ уже ни въ игрищахъ, ни въ хороводахъ.

Въ заутреню праздника крещенія, хозяева домовъ, въ которыхъ происходили игрища, начинаютъ мѣломъ чертить кресты на косякахъ, окнахъ и дверяхъ, для огражденія отъ нечистаго, который, по ихъ понятіямъ, съ ворожбой, гадаьемъ и пласкою влетаетъ въ дома. Обыкновенное это, занесенное, Богъ вѣсть отеуда, давно уже существуетъ.

Масляницей обанчиваются всѣ зимнія увеселенія васильскихъ жителей. Съ четвертаго дня начинается почти общее катанье на горахъ, которыхъ здѣсь много; съ полудня поднимается звонкій смѣхъ молодежи, хохоть на горахъ и катанье на лошадахъ; мужики-же толпами стоятъ на перекресткахъ улицъ, взирая, отъ нечего-дѣлать, на катающихся. Съ ударомъ вечерняго колокола стихаетъ, въ воскресенье, этотъ веселый и движущійся шумъ, и только одни мальчишки вечеромъ долго еще возятся съ своими салазками. Наступающій постъ, въ своей торжественности, уноситъ съ собой всѣ игры и увеселенія, призывая народъ къ труду и молитвѣ. Такъ, чистый понедѣльникъ отгрызаетъ собой время, которое русскій народъ привыкъ уважать и почитать святымъ, и потому начало поста служитъ концомъ зимнихъ народныхъ увеселеній. Только весной, послѣ Пасхи, въ сухое время, раздается снова эта хороводная русская пѣсня, всегда молодая, какъ молоды поющіе ее...